

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.11>

Уртминцева Марина Генриховна

Эпистолярный М. Горького (1901-1902) как часть "единого текста" писателя

Цель исследования - доказать, что эпистолярное наследие М. Горького следует рассматривать как важную составляющую "единого текста" писателя. Научная новизна заключается в обосновании подхода к анализу эпистолярной прозы как к явлению эстетического порядка, отражающему особенности работы художественного сознания автора. Полученные результаты показали, что проблемно-тематический комплекс, сюжетно-композиционные особенности писем, сквозные мотивы, обеспечивающие "связность" текстов писем М. Горького исследуемого периода, отражают характер мировоззрения и индивидуального стиля М. Горького-художника, являясь свидетельством философских и эстетических поисков писателем своего места в литературном процессе начала XX столетия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/10/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 62-66. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.11>

Дата поступления рукописи: 28.08.2020

Цель исследования – доказать, что эпистолярное наследие М. Горького следует рассматривать как важную составляющую «единого текста» писателя. **Научная новизна** заключается в обосновании подхода к анализу эпистолярной прозаики как к явлению эстетического порядка, отражающему особенности работы художественного сознания автора. **Полученные результаты** показали, что проблемно-тематический комплекс, сюжетно-композиционные особенности писем, сквозные мотивы, обеспечивающие «связность» текстов писем М. Горького исследуемого периода, отражают характер мировоззрения и индивидуального стиля М. Горького-художника, являясь свидетельством философских и эстетических поисков писателем своего места в литературном процессе начала XX столетия.

Ключевые слова и фразы: М. Горький; эпистолярный; единый текст писателя; индивидуальный стиль.

Уртминцева Марина Генриховна, д. филол. н., проф.

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
urtminzeva@uandex.ru

Эпистолярный М. Горького (1901-1902) как часть «единого текста» писателя

Период конца XIX – начала XX века – время поисков русской культурой и Россией в целом путей выхода из масштабного кризиса, охватившего все сферы жизни России. Особенно остро крушение прежних представлений о действительности отразилось на сфере искусства, что породило многочисленные эксперименты русской интеллигенции в области обоснования новых философских идей, получавших художественное воплощение в произведениях представителей самых разных литературных направлений и школ. М. Горький, к тому времени получивший европейскую известность, принимает в этой деятельности самое непосредственное участие. Об этом свидетельствуют не только художественные произведения, созданные на рубеже эпох, но и его переписка, приобретающая интенсивный характер особенно тогда, когда Горький покидал Нижний Новгород, уезжая на лечение в Крым.

Известно, что в этот период творческая активность М. Горького проявилась не в сфере художественного творчества, а прежде всего в эпистолярной и разнообразных формах редакторской, публицистической и общественной деятельности. Интенсивность переписки, а также значимость поднятых в ней проблем свидетельствовали о стремлении М. Горького осмыслить общие эстетические принципы творчества, определяющие формирование индивидуального писательского почерка. Публикация полного собрания писем М. Горького, начатая ИМЛИ им. А. М. Горького в конце 1990-х годов (к настоящему времени опубликовано уже 20 томов), обозначила новый этап горьковедческих исследований, однако до сих пор отсутствуют работы, посвященные изучению особенностей текста эпистолярного дискурса М. Горького, в первую очередь его интенциональности – важнейшей текстовой категории. **Теоретической базой** исследования стали работы ученых-горьковедов К. Д. Муратовой «Максим Горький и Леонид Андреев» [11], Л. А. Спиридоновой «Проблема подготовки научного издания эпистолярных текстов» [14], А. И. Овчаренко «Письма Максима Горького» [12], О. В. Быстровой «Проблемы комментирования писем А. М. Горького 1924-1930 гг.: по материалам тома 19 Полного собрания сочинений М. Горького (серия “Письма”)» [2], посвященные проблемам научного издания и комментирования писем писателя, где обозначены подходы к исследованию эпистолярного текста как важной части литературного наследия писателя, обозначены проблемы атрибуции, а также поиска писем, о которых упоминает автор, но они отсутствуют в архиве писателя. В разработке концепции работы были использованы идеи статьи С. И. Гиндина «Что такое текст и лингвистика текста», касающиеся анализа лингвистических маркеров текста, служащих для передачи информации [3], работа Е. Н. Широковой о функциональной значимости «фоновых значений» текста «Спецификация терминов “код” и “темпоральный код” в лингвистике» [17], концепция интенциональности – способности текста воздействовать на сознание читателя, транслируя идеи, концепции и смыслы, К. А. Долинина, изложенная в монографии «Интерпретация текста. Французский язык» [5], работа О. Б. Кафановой «Национально-культурные коды: дефиниции и границы» [6], в которой дано определение термина «код культуры», приведены аргументы изучения структуры текста в связи с постановкой проблемы соотношения языка и сознания. Анализ писем Горького потребовал обращения к положениям статьи М. В. Пименовой «Коды культуры и принципы концептуализации мира», рассматривающей систему языка носителя в виде системы кодов культуры. При этом сам код культуры определяется как «некая понятийная сетка, используя которую, носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний мир» [13, с. 177]. Статьи Ю. Лотмана «Семиотика культуры и понятие текста» [9, с. 158-162] и «Текст и структура аудитории» [Там же, с. 169-174], вошедшие в главу «Текст как семиотическая проблема» [9], были использованы в работе при анализе социально-коммуникативной функции текстов писем М. Горького [Там же, с. 169-174] и основных типов речевой деятельности автора, что стало основанием для характеристики эпистолярного писателя как особой формы диалога. В нашей работе мы рассматриваем текст писем М. Горького как феномен культуры, как «речевое (или шире: знаковое) образование, которое имеет *внеситуативную ценность*» [15, с. 242] и представляет собой «связный знаковый комплекс» [1, с. 281], который «содержит в себе свернутую систему всех звеньев коммуникативной цепи», что мотивировано апелляцией к конкретному объему памяти адресата [9, с. 171].

В связи с этим *актуальность* настоящего исследования определяется назревшей потребностью изучения эпистолярного наследия М. Горького-художника как эстетического феномена, части «единого текста», созданного автором в форме диалога. Писатель неоднократно признавался, что письмо было для него одной из первых форм, в которой он пробовал свои силы в словесном творчестве, то есть создании связного текста, обращенного к сознанию другого. Выбор тех или иных стилистических приемов, как правило, связан с личностью адресата. Наиболее показательными в плане становления стилиевой манеры писем Горького являются корреспонденции людям, с которыми его связывали дружеские отношения. Тексты писем К. Пятницкому, Л. Андрееву, В. Поссе, написанные М. Горьким в период «крымского сидения», являются объектом нашего исследования.

Объект исследования и постановка проблемы определили решение следующих *задач*: опираясь на работы предшественников, сформулировать рабочее определение понятия «единый текст» и обосновать критерии анализа фактического материала; выявить сквозные мотивы писем и показать их функциональную и смысловую значимость; отметить связь высказываний с реализацией замысла и планов будущих произведений; провести анализ воздействия на адресата различных речевых форм, так как впоследствии они станут опорными элементами стиля его эпических и драматических произведений. Поставленные задачи определили необходимость использования историко-функционального [1; 11; 12; 15], текстологического [2; 14], культурологического [6; 9; 10; 15], лингво-прагматического [3; 5; 7; 13; 17] *методов исследования*.

Практическая значимость обусловлена предложенным в статье подходом к изучению эпистолярия, который может быть использован в исследовании особенностей индивидуального стиля других писателей, а также при подготовке научных работ студентов филологических специальностей.

Рубеж XIX-XX веков стал для М. Горького важной вехой в литературной и личной жизни писателя. Публикация в Петербурге книг «Очерков и рассказов» принесла ему всероссийскую известность, однако сам писатель, как показывает его крымская переписка, остро ощущает потребность в общественной деятельности, и не только литературной, однако центральной темой практически всех писем (друзьям, общественным деятелям, революционерам, издателям, режиссерам) становятся суждения Горького о той роли, которую призван играть художник в современной действительности. Проблематика и стиливое своеобразие писем Горького времени пребывания его в Крыму отражают поиски писателем своего места в литературном процессе переломной эпохи, являясь ценным документом для исследования его художественного наследия, определения ключевых проблем, волновавших писателя, которые в совокупности своей дают представление о состоянии культуры рубежа XIX-XX веков, получивших выражение в текстах его литературных произведений.

Самым длительным по времени пребывания Горького в Крыму стал конец 1901 года и начало 1902 (7 ноября 1901 года писатель уезжает в Крым и находится там до 23 апреля 1902 года). В творческом плане это важный этап его творческих поисков и находок, время рождения замысла будущих произведений. Так, в конце января 1902 года А. Чехов в письме к О. Книппер сообщает: «Горький собирается засесть за новую пьесу из жизни ночлежников» [8, с. 368].

Значительное время Горький уделяет теперь редактированию своих произведений. В декабре 1901 года он получает от Вл. И. Немировича-Данченко машинопись IV акта «Мещан» и правит ее, готовит к изданию первые четыре тома четвертого издания собрания своих сочинений и второго издания пятого тома [Там же, с. 357]. По-видимому, во время одной из встреч с Л. Толстым Горький делится с ним своими впечатлениями от этой работы и обнаруживает, как он пишет в письме К. Пятницкому, «трогательное единодушие» с мнением Толстого, который так же, как и он сам, терпеть не мог читать свои сочинения. Далее Горький облачает разговор в сценку, цитируя слова Толстого: «Читаешь и видишь, сколько лишних слов, страниц, сколько чепухи!» было написано раньше. Горький также, вслед за Толстым, признается, что «многое из писаний моих я вырвал бы с корнем, – но – поздно!» [4, т. 3, с. 12].

За год до этого письма К. Пятницкому, в котором М. Горький выступает критиком своих произведений, он получил два письма от А. Чехова. Чехов отвечает Горькому после того, как прочитал первые три тома «Очерков и рассказов» своего корреспондента. В первом письме, датированном 2 января 1900 года, Чехов советует: «Я бы на Вашем месте из трех томов выбрал бы лучшие вещи. Издал бы их в одном рублевом томе – и это было бы нечто в самом деле замечательное по силе и стройности. А теперь в трех томах это все как-то переболталось... впечатление такое, как будто эти три тома сочинялись не одним, а семью авторами – признак, что Вы еще молоды и не перебродили» [16, с. 8]. Во втором письме, от 3 февраля 1900 года, Чехов дает характеристику особенностей художественного мышления Горького, определяя его воображение как «цепкое, хватистое», оно работает, как «печка, которой не дают достаточно дров», но в результате фигуры, живущие в воображении, «стоят особнячком, вне массы». Наиболее удачным исключением из этого «правила», которым, по мнению Чехова, страдают другие его произведения, является «крымский» рассказ «Мой спутник», где «кроме фигур чувствуется человеческая масса, из которой они вышли, и воздух, и дальний план, одним словом – все» [Там же, с. 40]. И вот через год, находясь в Крыму, Горький правит, сокращает, словом, работает не только над стилем, но и структурой знаевских сборников, обращая внимание на последовательность расположенных в них материалов, принадлежащих и ему, и другим писателям. Готовя к изданию однотомник Скитальца (С. Г. Петрова) «Рассказы и песни», пишет К. Пятницкому: «“Газетный лист” Скитальца поставьте после “За тюремной стеной”, “Рыцаря” – перед “Некрасива песнь моя”. Что скажете Вы о моем распределении рассказов и стихов Скитальца? Согласны?» [4, т. 2, с. 230].

Письма одного из самых длительных периодов его пребывания в Крыму показывают, каким интенсивным во всех отношениях было это время: каждый день он писал несколько писем разным адресатам. Сравнивая их содержание, можно отметить, как по-разному один и тот же жизненный факт или впечатление был передан адресату.

В письме к Е. Н. Чирикову от 3-4 декабря 1901 года из Оленина Горький сообщает о своем замысле создать «журналище», где в качестве сотрудников видит В. Поссе, Л. Андреева и адресата письма, а затем признается: «А с “Троицы” – я опять срезался. Вышло длинно, и скучно, сиречь – неудачно» [Там же, с. 221].

В этот же день, 4 декабря, письмо К. Пятницкому начинается без обращения к адресату следующими словами: «Сейчас прочитал “Трое”. Знаете – это хорошая книга, несмотря на длинноты, повторения и множество других недостатков, хорошая книга! Читая ее, я с грустью думал, что, если бы такую книгу я мог прочесть пятнадцать лет тому назад, – это избавило бы меня от многих мучений мысли, столь же тяжелых, сколько излишних» [Там же].

Признавая отмеченные им самим недостатки повести в письме к Е. Чирикову, Горький чувствует настоятельную потребность заняться журналом, а свою роль видит в качестве организатора и публициста, а не только художника. Горького уже на этом этапе его творческой деятельности не удовлетворяет только роль беллетриста, хотя в этом письме мысль о необходимости для писателя активно вмешиваться в текущую жизнь, формировать общественное сознание, воспитывая читателя, еще не принимает законченной формы. Сопоставление-противопоставление художественного и публицистического, о чем идет речь в письме (чуть раньше были написаны памфлет «О писателе, который зазнался», цикл рассказов «Публика», аллегии «Весенние мелодии»), разъясняется в письме к Пятницкому. Еще раз повторив негативную оценку художественности повести «Трое», Горький признает, что созданная в ней картина поисков героями жизненной цели, их философские метания и срывы отразили его собственный путь самопознания. По сути, эти противоречивые суждения («А с “Троицы” – я опять срезался!» и «Знаете – это хорошая книга...») – не столько о повести, сколько о работе творческого воображения, признание недостающего умения гармонизировать содержание и форму художественного целого. Обсуждение повести «Трое» – один из сквозных сюжетных мотивов горьковской переписки крымского периода, которая определяет архитектуру эпистолярного текста. Показателен тот факт, что достоинства и недостатки повести действительно не только отражают поиск Горьким своего стиля, но свидетельствуют о все более и более растущей уверенности писателя в том, что он ответственен за то, *что* и *как* пишет.

13 января в письме к Пятницкому сообщает: «Я работаю, – с увлечением, – над сокращением М. Горького. Первый том сократил немного. Сокращаю – пятый. Прикрашу Пашку, включу в его речь несколько – два-три – кратких стихотворения, а у Ильи и прочих поотнимаю излишек слов» [Там же, т. 3, с. 17]. В письме Л. Андрееву винит себя в том, что «Трое» – «вещица – однобокая», потому что не показано в ней главное, отвечающее историческому моменту: «...все, что вокруг нас вертится и ревет, – все это сводится к одному: к борьбе раба за свободу, господина – за власть и свободу власти. В “Троих” это не показано» [Там же, т. 2, с. 229]. К. Пятницкому в письме от 25 декабря 1901 года сообщает, что Толстой «нахваливал [Леонида] и меня за первую половину “Троих”, а о второй сказал, что “это анархизм, злой и жесткий”» [Там же, с. 230].

В письмах из Крыма можно встретить микросюжеты, которые впоследствии будут развернуты писателем в художественных произведениях, в частности, в «Жизни Клима Самгина» в связи с событиями русско-японской войны. Так, 23 декабря в письме к Пятницкому Горький в форму сценки с натуры облекает рассказ о старике-нищем на ялтинской набережной, который, с видом знатока пощупав сукно на возу, сказал, обратившись к какому-то равнодушному оборванцу: «Сукнецо-то дрянное». На замечание оборванца («А тебе-то что, не ты носить будешь») старик ответил: «Это верно... дак я хошь обругаю!». Комментируя сценку, Горький замечает, что в какой-то момент ему показалось, что перед ним не нищий, а переодетый критик: «Критик – он совсем как этот нищий: чувствует, что не про него писано, “дак хоть” ругается». Показательны суждения писателя в письме к Л. Андрееву, где он говорит о том, что лучшим критиком является беллетрист, и если он, Горький, напишет о себе статью, то «немного останется в Горьком для поклонения публике». Объясняя свои суждения, писатель подчеркивает важную для него мысль нежеланием «уродовать своей души, разжевывая ее, как гриб» [Там же, с. 227].

В тот же день в письме к Л. Андрееву Горький опять воспроизводит сцену на набережной, но уже в другом варианте, поскольку его адресатом является писатель, художник. Несколько видоизменяются роли действующих лиц, а краткий диалог между возчиком и нищим дополнен авторским комментарием, состоящим из эмоционально окрашенных сравнений: на телеге свалено «серое солдатское сукно, из которого осенью облака делают», нищий – «старый, весь в лохмотьях», свое суждение «дак хоть обругаю» он произносит «с улыбкой». Предположение о нищем как о переодетом критике Горький также существенно изменяет: «Я думаю, Леонид, что старик этот – во дни своей юности был литературным критиком, а может быть он и теперь пишет критические статьи в каком-нибудь литературном приюте нищих духом» [Там же, с. 229].

Приехав в Крым в начале ноября 1901 года, Горький первое время испытывает острое чувство неудовлетворенности собой. Об этом он пишет В. Поссе, сообщая подробности о проходах его «с помпой» нижегородцами, жандармском сопровождении по пути следования в Крым. Но, замечает писатель, «все рассказывается тебе, товарищ, не ради возвеличения Горького в твоих глазах, а во свидетельство настроения, которым *все более* проникается лучшая часть русской публики. Будируют всюду и при всяком удобном случае. Иногда даже смешно будируют» [Там же, с. 208]. Подробное описание событий, предшествующих переезду в Крым, динамично и по сути своей является экспозицией главной, второй части письма, посвященной суждениям Горького о роли писателя в эпоху идейного кризиса, эпоху разброда и шатаний. Сообщая корреспонденту, что Чехов пишет большую вещь (речь идет о рассказе «Архиерей»), цитирует, беря в кавычки, запомнившиеся слова Чехова: «Чувствую, что теперь надо писать не так, не о том, а как-то иначе, о чем-то другом, для кого-то другого, строгого и честно-го», а затем переводит в косвенную речь мнение Чехова, уверенного в том, что в России сначала «ежегодно, потом ежемесячно, потом еженедельно будут драться на улицах и лет через десять-пятнадцать додерутся до конституции. Путь не быстрый, но единственно верный и прямой» [Там же, с. 416]. Горький подчеркивает,

что Чехов, всегда стоявший над идеологической схваткой, «очень много говорит о конституции», путь к которой пройдет через «драку», схватку, что весьма импонировало Горькому. Познакомившись в Крыму с Бальмонтом, этим «дьявольски интересным и талантливым неирастеником (так в оригинале письма. – М. У.)», Горький пытался и его настраивать «на демократический лад» не потому, что верил в возможность внести коррективы в мировоззрение поэта, а потому, что «жить здесь скучно» [Там же].

Мотив скуки – один из постоянно варьируемых мотивов, вызванный сожалениями Горького о своем приезде в Крым («я очень проиграл, забравшись сюда») именно потому, что оказался не в провинциальных городах России (Вятке, Вологде, Перми), где поднимаются протестные выступления, в которых он хотел бы принять участие. «Здесь, – пишет Горький, – я пока чувствую себя не у дел, за штатом, что после довольно бурно прожитого лета – утомительно и обидно» [Там же, с. 208]. На следующий день в письме Л. Андрееву мотив скуки усиливается и трансформируется в образ окружающей среды: «Здесь – море мокрое, небо мокрое, земля мокрая. Много пьется вина. Приезжай, ибо скучно», поскольку новости из России идут довольно долго [Там же, с. 205]. Этот же мотив звучит и в письмах к Пятницкому от 24 ноября: «Жить здесь – скучно, а потому приходится работать» [Там же, с. 211] и 4 декабря: «Море шумит. Однообразно оно и глупо. Оно – как все здесь – занимается пустяками, обгачивает красивые камешки. Вы увидите, что это и бесполезно и не достойно такой силы, как сила моря» [Там же, с. 222]. Заявления о скуке звучат по меньшей мере парадоксально, так как контекст свидетельствует о напряженной работе писателя: он правит текст повести «Трое», ведет переговоры о публикации произведений Л. Толстого в «Знании», редактирует собственные произведения, готовит к изданию сочинения Скитальца, начинает работу над пьесой «На дне», правит IV акт «Мещан», пишет по несколько писем в день. Однако его не оставляет чувство неудовлетворенности собой. Находясь в Крыму, он оказывается в изоляции от активной общественной деятельности, страдает от сознания невозможности принять участие в революционном движении, развертывающемся по всей России. Его энергия творца теперь выражается в создании эпистолярного текста (художественных произведений в этот период он не пишет), иной форме диалога со временем, который Горький вел на протяжении всей своей жизни как художник и мыслитель.

В результате исследования мы пришли к следующим **выводам**. Текст писем М. Горького любого периода (не только ставшего объектом нашего исследования) следует рассматривать как значимую часть «единого текста», созданного автором, хронология которого отражает движение художественного сознания автора, его реакцию на события литературной и общественной жизни России рубежа XIX–XX столетий. Важнейшими критериями подхода к тексту эпистолярного жанра как феномену эстетического характера являются, во-первых, проработка в них сюжетных мотивов будущих художественных произведений; во-вторых, интенциональность, учитывающая особенности личности адресата, обусловившая выбор риторики высказывания; в-третьих, характерная для художественного творчества М. Горького форма повествования, в которой субъект речи является одновременно и ее объектом. Хронологический подход к исследованию писем показал, что сквозные мотивы (критический, философский, биографический) образуют микросюжеты и объединяются в единое целое образом повествователя, чутко реагирующего на слово собеседника. Эпистолярный М. Горького – особого рода речевой жанр, для которого характерно использование таких дискурсивных приемов, как расчет на коммуникативное ожидание адресата, воспроизведение его речи (или моделирование его возможной вербальной/невербальной реакции), а также интерпретация речевого акта (собственного или адресата), побуждающих к продолжению диалога. Указанные особенности писем М. Горького впоследствии станут опорными элементами стиля его драматических и эпических произведений. **Перспективой исследования** являются, во-первых, расширение корпуса текстов писем другим адресатам с целью выявления содержащихся в них микросюжетов и возможности отметить, как меняются композиция, стиль и риторика высказывания в зависимости от цели письма и личности адресата; во-вторых, необходимость показать, как вектор философских и художественных исканий М. Горького в первое десятилетие XX века, запечатленный в его эпистолярии начала 1900-х годов, воплотился в образной системе и диалогических конструкциях второй книги «Жизнь Клима Самгина», восстанавливающей картину общественно-политической атмосферы России в период подготовки Первой русской революции.

Список источников

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Быстрова О. В. Проблемы комментирования писем А. М. Горького 1924–1930 гг.: по материалам тома 19 Полного собрания сочинений М. Горького (серия «Письма») // Текстологический временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Кн. 3. Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. С. 117–128.
3. Гиндин С. И. Что такое текст и лингвистика текста // Аспекты изучения текста: сб. науч. тр. М.: Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы, 1980. С. 164–166.
4. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24-х т. М.: Наука, 1997. Т. 2. 480 с.; Т. 3. 494 с.
5. Долинин К. А. Интерпретация текста. Французский язык. М.: Просвещение, 1985. 304 с.
6. Кафанова О. Б. Национально-культурные коды: дефиниции и границы // Филологическое образование: современные стратегии и практики: сб. науч.-метод. ст. СПб., 2011. Вып. 1. С. 284–293.
7. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика: в 2-х т. М.: СпортАкадемПресс, 2001. Т. 1. С. 72–81.
8. Летопись жизни и творчества А. М. Горького: в 4-х т. М.: АН СССР, 1958. Т. 1. 1868–1907. 701 с.
9. Лотман Ю. М. Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство–СПб, 2002. С. 158–220.
10. Меркулова Н. Г. Генезис, дефиниция и типологическая характеристика понятия «культурный код» в гуманитарном дискурсе // Обсерватория культуры. 2015. № 6. С. 80–84.

11. Муратова К. Д. Максим Горький и Леонид Андреев // Литературное наследство. М.: Наука, 1965. Т. 72. М. Горький и Л. Андреев: неизданная переписка / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. С. 1-52.
12. Овчаренко А. И. Письма Максима Горького // Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24-х т. М.: ИМЛИ РАН, 1997. Т. 1. С. 14-40.
13. Пименова М. В. Коды культуры и принципы концептуализации мира // Studia Linguistica Cognitiva. М.: Гнозис, 2006. Вып. 1. Язык и познание. Методологические проблемы и перспективы. С. 177-179.
14. Спиридонова Л. А. Проблема подготовки научного издания эпистолярных текстов // Текстологический временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Кн. 3. Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. С. 27-32.
15. Хализев В. Е. Текст как понятие семиотики и культурологии // Теория литературы: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Высш. школа, 1999. С. 242-246.
16. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Гослитиздат, 1948. Т. 9. 708 с.
17. Широкова Е. Н. Спецификация терминов «код» и «темпоральный код» в лингвистике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4: в 4-х ч. Ч. 2. С. 51-54.

M. Gorky's Epistolary (1901-1902) as a Part of the Writer's "Uniform Text"

Urtmintseva Marina Genrichovna, Dr
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
urtminzeva@yandex.ru

The purpose of the study is to prove that M. Gorky's epistolary heritage should be considered as an important component of the writer's "uniform text". The research is novel in that it substantiates the approach to analysing the prose-writer's epistolary as a phenomenon of aesthetic nature, reflecting the way the author's creative consciousness works. The attained results have shown that the problem-thematic body, storyline and compositional features of the letters, the leitmotifs that keep M. Gorky's letter texts from the studied period linked together reflect the nature of the worldview and individual style of M. Gorky as an artist, attesting to the writer's philosophical and aesthetic search for his place in the literary process of the early XX century.

Key words and phrases: M. Gorky; epistolary; writer's uniform text; individual style.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.10.12>

Дата поступления рукописи: 12.09.2020

Статья посвящена анализу музыкальной образности в творчестве Виктора Кривулина 1970-х гг. Цель исследования – установить специфику функционирования музыкальной образности в сборниках «Воскресные облака» и «Музыкальные инструменты в песке и снеге». Научная новизна нашего исследования заключается в обращении к проблеме литературной генеалогии образов музыки в поэтических сборниках В. Кривулина 1970-х гг. В результате выявлены связи музыкальной топикати в произведениях Кривулина с интеллектуальными контекстами литературы Серебряного века, в частности, с мифологемой о «дионисийском» и «аполлоническом» начале в искусстве. Также реконструированы взгляды Кривулина на концепцию музыки А. Блока, которая была подвергнута неофициальным поэтом ревизии в ряде литературно-критических высказываний.

Ключевые слова и фразы: неподцензурная литература; Виктор Кривулин; музыкальная образность; литературная генеалогия; интертекстуальность.

Хайрулин Тимур Павлович

Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля
khairulin25@gmail.com

Проблема генеалогии музыкальной образности в стихотворениях В. Кривулина 1970-х гг.

Специфика образной системы в творчестве ленинградского неофициального поэта и критика В. Кривулина (1944-2001) нередко становилась предметом анализа в работах Г. Беневича [1], А. Житенева [7], И. Кукулина [11] и др., которые и составили *теоретическую базу* нашего исследования. В то же время вопрос о генеалогии музыкальной образности в поэтических текстах Кривулина до сих пор остается не изученным. Тема музыки в творчестве В. Кривулина 1970-х гг. проявляется на разных уровнях – от принципа композиционного строения текста до повторяющихся образов и мотивов, призванных структурировать произведения в пределах цикла. Особый интерес в этой связи представляют поэтические сборники «Воскресные облака» (1972) и «Музыкальные инструменты в песке и снеге» (1973), составленные самим автором и распространенные самиздатским путем в ленинградской неофициальной среде.

Актуальность статьи вызвана необходимостью изучения ключевых образов и мотивов, распространенных в произведениях представителей ленинградской неофициальной культуры. В *задачи* исследования входят – интертекстуальный анализ текста «Флейта времени»; рассмотрение связи музыкальных образов с темой времени в стихах Кривулина; реконструкция взглядов Кривулина на концепции музыки в модернистской